

УДК 7.033; 76
ББК 85.15
DOI: 10.51678/2073-316X-2024-2-78-93

Екатерина Золотова

Французские иллюминированные грамоты XVI–XVII веков из собрания Н. П. Лихачева

В статье публикуются четыре иллюминированные французские дворянские грамоты за период с 1516 по 1679 год из коллекции выдающегося российского историка и собирателя древностей Николая Петровича Лихачева, хранящейся в Институте истории РАН в Санкт-Петербурге. Охарактеризована история изучения и коллекционирования иллюминированных документов в XIX веке во Франции; прослежены особенности украшения французских официальных документов на протяжении XVI–XVII веков в сравнении с документами Италии и Священной Римской империи. Первая грамота, происходящая из Лотарингии, рассмотрена в контексте местной художественной традиции.

Ключевые слова:

французские иллюминированные документы,
дворянская грамота,
орнаментальный инициал,
геральдическая композиция,
миниатюра.

Коллекция памятников западноевропейской книжной миниатюры выдающегося российского историка и собирателя древностей Николая Петровича Лихачева, которая хранится в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, на две трети состоит из иллюминированных пергаментных документов [1; 2, с. 138–165; 3, с. 395–407; 4]¹. Это жалованные дворянские грамоты, университетские дипломы, документы папского двора (супплики, буллы), послания из канцелярий европейских правителей, из монастырей и так далее. Основной объем иллюминированных документов коллекции приходится на XVI–XVII века. Это так называемая поздняя миниатюра — искусство, оттесненное книгопечатанием на периферию, занявшее нишу официального документа и именно в нем пережившее последнюю пору своего расцвета. Для историков книжной миниатюры эпохи Возрождения и раннего Нового времени этот достаточно новый и необычайно разнообразный с художественной точки зрения материал представляет большой интерес.

подавляющее большинство документов коллекции — это дворянские грамоты, в которых король (император, герцог, курфюрст) жалует титул, герб или его изменения, право носить герб или использовать его тем или иным образом. Как и любой другой документ, дворянская грамота имела свою сложившуюся композицию и иконографию, и ее обычно можно отличить уже по внешнему виду. Основные элементы ее украшения — шапка, выделенная специальным шрифтом (готическим каделюрным или капитальным), орнаментальный инициал и/или обрамление текста (кайма с наполнением, в которое входят медальоны, гербы, эмблемы и тому подобное) и, конечно, сама геральдическая композиция. С точки зрения художественной дворянская грамота как документ — явление уникальное: здесь главное изображение не просто

1 В подготовленный автором статьи и недавно вышедший из печати научный каталог западноевропейской книжной миниатюры IX–XVIII веков из собрания Н. П. Лихачева иллюминированные документы вошли наравне с рукописями и фрагментами [4].

украшает текст, оно служит его визуализации. Потому что даруется герб, то есть картинка, а текст документа в значительной и важнейшей своей части есть не что иное, как детальное ее описание.

При каждом европейском дворе в высочайших канцеляриях и в мастерских миниатюристов были свои стандарты оформления дворянских грамот. В мастерских их украшали в соответствии со сложившейся местной традицией и, конечно, с учетом моды и вкусов времени. Поэтому «национальную» принадлежность такого документа можно определить сразу. Так, в итальянских грамотах на протяжении нескольких веков безраздельно господствует красочный инициал, становясь главным элементом живописной композиции и своего рода *tour de force* для миниатюриста. В него помещают сюжетные сцены или портреты, от него берет начало узорное обрамление текста. В грамотах германских земель инициал занимает более чем скромное место: он обычно включен в верхнюю строку готического каделюрного письма, часто при этом почти сливается с каллиграфическим кружевным фризом. Что касается геральдической композиции в дворянских грамотах, то здесь картина обратная. В итальянских документах небольшой герб помещается в центр текста прямо на белый пергамент и, по существу, никак не выделяется. В грамотах германских императоров и курфюрстов именно геральдическая композиция становится тем самым *tour de force* миниатюриста. Она тоже в центре текста, но при этом заключена в золоченую раму, часто с имитацией вставок из драгоценных камней; герб помещен в арочный проем, богато украшенный резьбой, гербами, гирляндами; его окружают ангелы, аллегорические фигуры Добродетелей и так далее. Такие большеформатные пергаментные листы характерны для продукции мастерских Вены, Аугсбурга, Инсбрука или Праги XVI–XVII веков.

Количество собранных Н. П. Лихачевым итальянских иллюминированных документов, так же, как и документов Священной Римской империи, исчисляется десятками и в общей сложности доходит почти до сотни. Французская же часть его коллекции выглядит совершенно иначе. Здесь иллюминированных грамот всего четыре. И это не случайность. В музеях и библиотеках Москвы их тоже практически нет. Одна из основных причин этого кроется в колоссальных потерях времен Великой Французской революции. В последнее десятилетие XVIII века по всей Франции пылали костры из старинных книг и документов, а пергаментные листы из рукописей и грамоты (особенно дворянские

грамоты!) сотнями шли на зарядные картузы для орудийной пальбы. Осознание потерь сыграло не последнюю роль в тех решительных переменах в отношении своего культурного наследия, которые произошли во Франции уже в начале XIX века. Благодаря не в последнюю очередь богатой традиции собирательства Франция довольно скоро становится лидером по многим позициям. В 1821 году была основана Национальная Школа хартий, где начали готовить архивистов-палеографов, специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам. В Париже уже в 1822 году состоялся первый в Европе аукцион автографов выдающихся людей; в 1828 году начала выходить знаменитая *Isographie des hommes célèbres*, а в 1836-м парижский издатель и коллекционер Пьер-Жюль Фонтен издал первое руководство для любителей и коллекционеров *Manuel de l'amateur d'autographes* (где во введении подробно, с цитатами из документов эпохи, с цифрами и фактами описал историю варварских разрушений революционных лет). Бурный всплеск интереса к национальному наследию принес свои плоды. На окрепший антикварно-букинистический рынок со всей Европы потоком хлынули документы из фамильных архивов беднеющего дворянства. С 1840-х годов среди многих других во Франции начали действовать сразу два семейных дома букинистов-антикваров и издателей Шараве (*Maison Charavay*). Они занимались торговлей, издавали каталог *Bulletin d'autographes*, журнал *L'amateur d'autographes*. С потомками Шаравеев, как их называл Николай Петрович, ему предстояло тесно и плодотворно сотрудничать. Итоги революционных лет оказались неутешительными, потери невозполнимыми, но следующий век приложил все усилия для сохранения и изучения оставшихся национальных богатств.

Николай Петрович застал во Франции совсем другие времена. Как историка и как многолетнего помощника директора петербургской Публичной библиотеки его в первую очередь интересовала работа Школы хартий; в музеях и библиотеках Парижа он изучал опыт хранения, экспонирования, фотофиксации памятников письменности. Как коллекционера его привлекал чрезвычайно развитый антикварно-букинистический рынок: он отмечал в своих воспоминаниях, что «во Франции торговля автографами достигла наибольшей системы и научности» [6, с. 203]. Его связывали профессиональные и дружеские узы со многими французскими антикварами и историками. Интерес был взаимным. Представитель знаменитого дома Ноэль Шараве, библиофил и издатель Оноре Шампён (в парижском кабинете которого

висел портрет Николая Петровича) ценили его как эксперта и знатока. В личном архиве самого Лихачева — более пятидесяти имен и адресов французских антикваров-букинистов, у которых он покупал и которых консультировал, когда приезжал во Францию [5, с. 583–588]². В 1915 году в Петербурге Николай Петрович, наконец, осуществил свою давнюю мечту и открыл первый в России Палеографический кабинет, в котором предоставил свою бесценную коллекцию в полное распоряжение российским ученым. Ведущие французские специалисты по истории средневекового искусства — Луи Рео, Поль Дюрье, Александр де Лаборд — успели побывать у него в гостях и оставили свои автографы в книге посетителей.

Скучность французского материала имеет и еще одну причину. История самого жанра иллюминированного документа во Франции в XVI–XVII веках развивалась иначе, чем в большинстве художественных центров Европы. В ренессансную эпоху, когда законодателем моды была Италия, французские миниатюристы в оформлении документов следовали итальянским образцам. Поэтому в первой половине XVI века в грамотах французских королей и герцогов доминантой живописного ансамбля также является заглавный инициал, часто украшенный гербами и даже сюжетными сценами. И от него вдоль текста и поверху, и спускаясь вниз, тянется многоцветная орнаментальная кайма. Но начиная с XVII века в королевских канцеляриях фактически отказываются от самой идеи украшения официального документа. В пергаментных грамотах периода французского абсолютизма нет ничего, кроме текста. Эту ситуацию прекрасно иллюстрируют, например, фонды Российского Государственного архива древних актов в Москве, где хранятся послания европейских правителей XVI–XVIII веков русским царям и патриархам. В фондах Англии, Германии и Австрии, Пруссии сотни документов, и едва ли не каждый проходил через мастерские придворных миниатюристов. Во французском фонде среди королевских посланий из Парижа, Версаля или Фонтенбло нет ни одного украшенного. Разумеется, документ, которым жаловался титул и герб, не мог обойтись без изображения этого герба. Но геральдические композиции на французских дворянских грамотах — это, к сожалению, почти всё,

2 В одной из таких лавок — у «Братьев Саффруа» (*Saffroy Frères*) — автору в 2019 году повезло застать ее последнюю владелицу и на месте уточнить данные об одной из парижских покупок Лихачева [4, с. 216–217].

1. Грамота герцога Антуана II Доброго
Левая часть. Бар-ле-Дюк, 1516
Пергамент. Институт истории РАН,
Санкт-Петербург

2. Грамота герцога Антуана II
Доброго. Правая часть
Бар-ле-Дюк, 1516. Пергамент
Институт истории РАН,
Санкт-Петербург

что есть в распоряжении историков искусства, изучающих позднюю миниатюру по иллюминированным документам.

Однако многообразие европейского художественного ландшафта в XVI–XVII веках даже в рамках единой национальной изобразительной традиции рождало исключения из правил. Для Франции таким исключением стали иллюминированные документы Лотарингии. Как раз оттуда происходит самая ранняя из четырех лихачевских грамот. Этой грамотой 9 октября 1516 года в своей резиденции в Бар-ле-Дюке герцог Лотарингский Антуан II Добрый пожаловал дворянский титул и герб Роберу Шобийону, уроженцу Онуа из судебного округа Ансервиля³. (Ил. 1–2.)

3 Колл. 8 карт. 333а № 43. Под текстом слева подпись герцога, на плике и на обороте подписи заверителей: сенешаль Барруа Луи де Стенвиля, главы Счетной палаты Бара Александра Гийо и других ее членов. Размеры грамоты примерно 53,2 × 69,5 см, написана французским канцелярским письмом. Сохранились следы вислой печати [10, p. 30; 15, p. 128].

Художественный ансамбль грамоты еще вполне вписывается в русло ренессансной иконографической традиции. Ее декор состоит из двух важных равнозначных элементов. Левый верхний угол занимает яркий инициал А (первая буква имени герцога *Anthoine*). Он становится основополагающим композиционным и художественным элементом ансамбля. Заглавная буква сложена из двух окоренных зеленых бревен с обрезанными сучьями, к которым прислонен герб Антуана Доброго (унаследованный от отца Рене II) под герцогской короной. Букву поддерживает крупный стилизованный флерон причудливых очертаний, который занимает все левое поле текста. От пышного золотистого букета листьев аканфа тянется вниз закрученный петлей длинный красный стебель, прорастающий на концах золотыми листьями. От флерона вправо отходит фиксирующая начало текста красная полоса, на которой золотыми буквами написано имя герцога. Эта полоса, инициал и флерон образуют подобие Г-образного обрамления, типичного для европейских грамот эпохи. Композиция этого орнаментального сооружения выглядит довольно громоздкой и неустойчивой и не отличается большим изяществом. Однако оно выполняет свою репрезентативную и символическую функцию.

Второй основной элемент декоративного оформления грамоты — гербовый щит Робера Шобийона с развевающимися перьями нащлемника и наметом. В отличие от итальянских грамот или грамот Священной Римской империи того времени, герб находится не в центре текста, а в правом нижнем углу листа. Он помещен без всякого обрамления прямо на белый пергамент и наклонен влево. Колористическую гамму, помимо жидкого золота, составляют красный, зеленый и синий. Моделируя объемы, миниатюрист обильно использует золотую и черную штриховку.

В грамоте Робера Шобийона привлекает внимание необычный орнаментальный мотив флерона. Как оказалось, он вовсе не является фантазией миниатюриста. Попытка выяснить его происхождение позволила не только обнаружить иконографические истоки этого мотива, но и проследить сложение местной лотарингской художественной традиции в оформлении документов, которая продержалась не менее столетия.

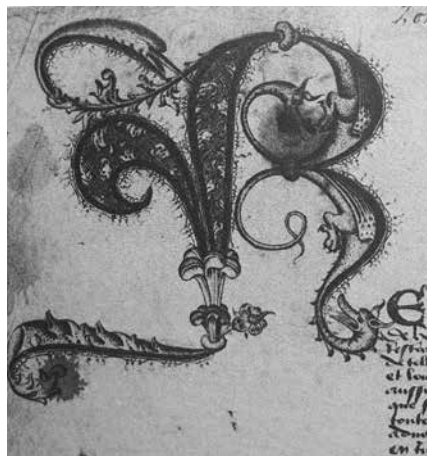
Иконографическая традиция в украшении грамот в Лотарингии начала XVI века восходит к 1460–1480-м годам, ко временам короля Рене Анжуйского, прадеда герцога Антуана. Можно сказать, что именно

тогда начала складываться лотарингская иконография украшения грамот. В одной из ранних грамот короля Рене 1464 года (Муниципальная библиотека, Экс-ан-Прованс, Ms. 1163) [<https://www.monasterium.net/mom/IlluminierteUrkunden>] инициал отсутствует, начало текста с именем *Renatus* всего лишь выделено крупными золотыми буквами капитального письма, но герб уже занимает особое место в правом нижнем углу листа и при этом сильно наклонен влево — именно так будут выглядеть в дальнейшем все гербы на грамотах Лотарингского герцогства. Проходит всего десять лет, и на грамоте короля Рене 1475 года появляется роскошный инициал (Библиотека Ингимбертина, Карпантра, Ms. 1853, f. 200) [<https://www.monasterium.net/mom/IlluminierteUrkunden>; 9, p. 31], в котором нашло отражение страстное увлечение короля эмблемами и девизами. Имя Рене, написанное уже по-французски, помещено на ярко-синий фон с филигранным орнаментом. Вертикаль заглавной буквы представляет собой сухой растрескавшийся пень с проросшей веткой, изогнувшейся под тяжестью королевского герба. Правая часть буквы R составлена из четок, под которыми висит зеленый апельсин. Сухой пень, четки, апельсин — это важные составляющие эмблематического свода короля Рене [12, pp. 5–28]. Крупных размеров герб получателя здесь также занимает правый нижний угол листа и поставлен под углом. Третья грамота короля Рене украшена в том же 1475 году и по тому же шаблону, что и предыдущая (Муниципальная библиотека, Экс-ан-Прованс, Ms. 1804) [<https://www.monasterium.net/mom/IlluminierteUrkunden>; 14, S. 92]. (Ил. 3.) Высокое художественное качество этой грамоты позволило некоторым исследователям говорить о причастности к ее украшению придворного художника короля Рене Бартельми д'Эйка [16, pp. 161–165, 253–257].

Продолжила лотарингскую иконографическую традицию еще одна дворянская грамота, выданная в 1486 году уже Рене II Лотарингским (Архивы Департамента Мёрт-и-Мозель, Нанси, E 419) [11, pp. 140–141]. (Ил. 4.) Два основных живописных элемента ансамбля остаются на тех же местах: крупный инициал R наверху слева и герб получателя внизу справа. Несмотря на отсутствие любимых эмблем короля Рене, мотив окоренного бревна в инициале сохранился и также призван обеспечить устойчивость композиции в левой ее части. А выбранная иконография заставляет вспомнить, скорее, романские «синтетические» (по терминологии Жана Порше) инициалы, часть буквы которых была образована фигурой животного: здесь верхний левый

3. Грамота короля Рене Анжуйского Сен-Максимен, 1475. Пергамент
Муниципальная библиотека,
Экс-ан-Прованс

4. Грамота герцога Рене II Лотарингского. Фрагмент
Нанси, 1486. Пергамент
Архивы Департамента
Мёрт-и-Мозель, Нанси

5. Грамота герцога Антуана II
Доброго. Нанси, 1513. Пергамент
Музей «Книга и письмо»,
Монкабрие

6. Грамота герцога Антуана II Доброго
Левая часть. Нанси, 1517. Пергамент
Национальная библиотека Франции,
Париж

завиток прорастает головой птицы с длинным острым клювом, а правая изогнутая часть буквы образована двумя соединенными хвостами драконами. Но интересна эта грамота тем, что в основании вертикали буквы R впервые появляется тот самый, пока еще едва видный, стилизованный флерон, который к 1510-м годам заметно «вырос» и превратился в грамоте Антуана II Доброго в основополагающий элемент композиции.

К началу XVI века этот мотив флерона уже прочно вошел в обиход мастерской, где была украшена петербургская грамота. Удалось обнаружить еще по крайней мере две грамоты с точно таким же флероном. Так, в 1513 году в Нанси Антуан II Добрый пожаловал дворянский титул некоему торговцу из Вивье (Музей «Книга и письмо», Монкабрие) [17, № 35]. (Ил. 5.) На этой грамоте от знакомого нам инициала А из окоренных бревен вправо отходит такая же алая полоса с именем герцога Антуана, а вниз по левому полю листа вдоль всего текста спускается необычайно эффектная гирлянда. Верхняя ее половина с гербом Лотарингского дома — это флерон, который, без сомнения, был написан по имеющемуся в мастерской шаблону: такой же массивный букет листьев аканфа, стянутый сине-зеленой розеткой, подпирает окорен-

ные бревна инициала; длинный стебель флерона закручен петлей и заканчивается резными листьями. Нижняя половина гирлянды представляет собой рог изобилия с пышным верхом, к которому внизу привязаны две стилизованные рыбы, напоминающие геральдические фигуры с герба герцогства Бар. Использованы те же характерные для мастерской сочетания красок, тот же способ моделировать объемы с помощью золотой и черной штриховки. Несмотря на избыточность форм и отсутствие логики в соединении двух половин этого орнаментального сооружения, миниатюристу удалось добиться равновесия композиции инициала и его обрамления, создать соответствующий задаче репрезентативный ансамбль.

Вторая грамота герцога Антуана, пожалованная им в Нанси в 1517 году (Национальная библиотека Франции, Париж, NAF 5942, рièce №7), ближе всего по композиции и цвету петербургской. (Ил. 6.)⁴

4 Выражаю благодарность Франсуа Аврилю (Париж) за любезно предоставленную фотографию грамоты.

Первую букву имени герцога, украшенную гербом и лотарингским чертополохом, подпирает точно такой же флерон.

Заметим в завершение темы, что лотарингские грамоты 1550–1580-х годов по-прежнему демонстрируют верность ранним иконографическим традициям времен короля Рене и Антуана Доброго (1553, Ader, vente 02.07.2021, lot 33 [<https://drouot.com/de/1/15477527>]; 1556, Архивы Департамента Мёрт-и-Мозель, Нанси, 1 F 75, Nr 2 [11, pp. 141–142]; 1573, Национальные архивы, Париж, АВ XIX 3073, dossier 1 [7, pp. 7–8]; 1584, Архивы Департамента Мёрт-и-Мозель, Нанси, В 186 [<https://www.monasterium.net/mom/IlluminierteUrkunden>]). В них заглавный орнаментальный инициал сохраняет свое место и значение: в крупных размеров букву придворные миниатюристы продолжают вписывать герб правящего дома, а герб получателя располагается в правом нижнем углу под текстом на белом фоне пергамента. Сложившаяся иконографическая традиция украшения дворянских грамот оказалась в Лотарингии на удивление прочной. И эти грамоты отличаются как от грамот Бурбонов, так и от грамот Габсбургов.

Совсем по-другому выглядят три лихачевские грамоты XVII века, происходящие из французских королевских канцелярий.

Первая них была выдана королем Франции и Наварры Людовиком XIII в Сен-Жермен-ан-Ле в августе 1624 года некоему Андре Ру (Андреа Росси), представителю Венецианской республики на службе французского короля⁵. (Ил. 7.) Она подтверждает привилегии, жалованные его семье королем Франциском I в 1525 году, а также присоединение к его гербу королевской лилии. Верхняя строка с традиционным зачином *Louis par la grace de Dieu* выделена только шрифтом и размерами букв и отмечена несколькими каллиграфическими росчерками. Единственным украшением грамоты служит герб Андре Ру, расположенный не в правом нижнем углу, как на лотарингских грамотах, а в нижней

5 Колл. 41 карт. 574 № 6. Под текстом слева подпись короля. Заверитель: Государственный секретарь Луи I Фелипо (подпись слева и слово *VISA* справа на пликке). Пергамент, 1 лист, 52,5 × 55,2 см. Гуманистический курсив, 19 строк. О получателе грамоты Андре Ру (Росси) известно немного. Его герб нашелся в геральдическом справочнике Ритстена, где указано, что он принадлежал феррарским Росси, потомкам княжеского рода Росси из Пармы.

7. Грамота короля Людовика XIII Сен-Жермен-ан-Ле, 1624. Пергамент Институт истории РАН, Санкт-Петербург

8. Грамота короля Людовика XIV Париж, 1644 Пергамент Институт истории РАН, Санкт-Петербург

9. Грамота короля Людовика XIV Фонтенбло, 1679 Пергамент Институт истории РАН, Санкт-Петербург

части текста в самом его центре — так, как это было принято, например, на грамотах императоров Священной Римской империи. Герб Андре Ру написан прямо на пергаменте небрежной кистью, с моделировкой форм жидким золотом, серебром и синей краской. На гербовом щите хорошо видна нарисованная золотом присоединенная к гербу королевская лилия. От шлема во все стороны тянется пышный сине-золотой намет, над нашлаемником вьется лента с девизом *Pour bien servir* («Чтобы хорошо служить»). Нашлемник в виде окруженной пламенем саламандры — напоминание о роли покровителя семьи России короля Франциска I, чьей эмблемой являлась саламандра.

Интересная история связана с провенансом этой грамоты. Она была куплена Николаем Петровичем в Вене перед Первой Мировой войной у знаменитых антикваров Гильхофера и Раншбурга, клиентом которых он был на протяжении многих лет. Точных указаний на этот факт — записей самого коллекционера, вырезок из аукционного каталога или счета от венской фирмы — найти не удалось. Но документальное подтверждение этой покупки — совсем иного рода и достаточно редкое — в Архиве СПбИИ РАН есть. Сохранилось письмо, которое Николай Петрович получил 5 мая 1914 года из небольшого северо-немецкого городка Эльмсхорн в Шлезвиг-Гольштейне от потомка получателя грамоты Оскара Ру⁶. Занимаясь семейной историей, Оскар Ру узнал в Вене о том, что дворянская грамота его предка была куплена русским коллекционером. В письме он просил ответить на некоторые вопросы и, со своей стороны, поделился собственными архивными изысканиями. Остается надеяться, что в оставшиеся месяцы до начала кровопролитной войны Николай Петрович успел написать в Эльмсхорн.

Вторая грамота, выданная уже следующим королем Франции и Наварры Людовиком XIV в Париже в сентябре 1644 года, жалует дворянский титул и герб уроженцу Кана в Нормандии Жану де Каэню за военные заслуги при осаде Ла Рошели и Сен-Жан-д'Анжели, с учетом заслуг его отца Жоржа де Каэня на службе у короля Генриха IV [8, p. 569; 13, p. 141, № 944]⁷. (Ил. 8.) Эта грамота композицией и художественным

6 Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 55.

7 Колл. 9 карт. 338 № 44а. Подпись короля (в центре под текстом). Заверители: Государственный секретарь Мишель Летелье (подпись на пликке слева под именами малолетнего короля и его матери-регентши Анны Австрийской); канцлер Пьер Сегье (слово VISA на пликке справа); регистрационная запись от 15 мая 1645 года в Счетной палате Руана за подписью секретаря Декантеля (там же); запись о повторной регистрации грамоты

оформлением почти ничем не отличается от предыдущей. Герб возведенного в дворянство Жана де Каэня также помещен в центр текста на белое поле пергамента, чуть сдвинут влево и составляет единственное украшение грамоты. Гербовый щит поддерживают стоящие на земле на задних лапах львы-щитоносцы. Над щитом — шлем с пышным наметом. Композиция строго симметрична, колорит строится на контрасте геральдических золота и лазури с добавлением серого (серебро) и алого (языки львов). Миниюрист работает свободным мазком, широко использует светотеневую моделировку. Нельзя не отметить удачно найденного пропорционального соотношения текста и изображения, что бывает в грамотах далеко не всегда.

Третья грамота короля Франции и Наварры Людовика XIV, выданная в Фонтенбло в сентябре 1679 года, жалует право на изменение герба Жану Гару из округа Мант-и-Мёлан⁸. (Ил. 9.) На ней верхняя строка с зачином также отличается от остального текста лишь большим размером букв и никак не выделена цветом, а эффектная геральдическая композиция помещена в самый центр. Гербовый щит в тяжелом резном картуше держат стоящие на задних лапах на траве грациозные борзые-щитоносцы. Приглушенные тона болотно-зеленого и серого (серебро) оживляют пятна алого на щите, шлеме и собачьих ошейниках. Резной картуш обведен красным контуром. Для моделировки используется

потомками Жана де Каэня в канцелярии суда Суассона от 17 декабря 1729 года за подписью секретаря суда Сювере (на пликке в центре) (прочитал В. В. Шишкин, СПбИИ РАН). На обороте запись, подтверждающая ирландское происхождение семьи Каэнь-де-Буаморель, сделанная хранителем Отдела документов и родословных Королевской библиотеки Абраамом Шарлем Гибле. Тонкий пергамент, 1 лист, 48,3 × 61 см. Французское письмо документов с элементами курсива, 31 строка. Следы вислой печати.

8 Колл. 8 карт. 336 № 17. Под текстом в центре личной подписи короля. Заверитель: Министр Королевского двора Франции Жан-Батист Кольбер (на пликке в центре); Государственный секретарь Мишель Летелье (на пликке справа); запись о регистрации 26 февраля 1681 года в Парламенте Парижа за подписью секретаря Жака (на пликке между подписями Кольбера и Летелье); запись о регистрации документа в Счетной палате Парижа 20 мая 1683 года за подписью главного секретаря Пьера Рише (на пликке слева); запись о регистрации документа в судебном округе Мелана 18 июня 1685 года за подписью секретаря (Meriel?) (на пликке внизу справа); запись о повторном представлении и регистрации документа 5 сентября 1741 года в Счетной палате Парижа после гибели архивов Палаты в пожаре 1737 года за подписью секретаря Шарля Дюкорне (под подписью Кольбера); записи о сортировке и хранении документа (наверху слева от текста). На обороте запись о регистрации документа в Фонтенбло 24 сентября 1679 года за подписью контролера (Bortas?). Тонкий пергамент, 1 лист, 28 × 47,5 см. Французское письмо документов с элементами курсива (?), 20 строк. Вислая печать из зеленого воска (обломана) на розово-зеленом шнуру.

жидкое золото и серебро, а также штриховка. Эта грамота содержит в себе неразрешимую загадку: геральдическая композиция Жана Гара изображена на ней дважды. В левом нижнем углу под текстом (а фактически, спрятанный под плиткой) находится второй, гравированный, вариант той же геральдической композиции, полностью идентичный расположенному выше живописному. Судя по следу от квадратной пластины, это, скорее всего, гравюра на меди. Она исполнена уверенной рукой, с сильно выраженной светотеневой моделировкой. Для чего был нужен второй, гравированный вариант? Мог ли он служить образцом для миниатюриста? На эти вопросы пока ответа нет.

Французские иллюминированные грамоты XVI–XVIII веков еще только ждут своих исследователей и каталогизаторов. Они пока труднодоступны, что лишает возможности их комплексного анализа. Некоторые предварительные наблюдения и выводы, предложенные в этой статье, возможно, будут полезны для дальнейшего изучения темы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Звучат лишь письмамена...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012.
2. Золотова Е. Ю. Западноевропейские иллюминированные документы XIII–XVIII вв. Актуальные проблемы исследования и каталогизации (по материалам коллекции Н. П. Лихачева) // Искусствознание. 2018. № 1–2. С. 138–165.
3. Золотова Е. Ю. Книжная миниатюра Западной Европы XII–XIX веков. Исследования и атрибуции. М.: ГИИ, 2019.
4. Золотова Е. Ю. Иллюстрированные рукописные книги и документы Западной Европы IX–XVIII веков. Собрание Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Научный каталог. М.: ГИИ, 2023.
5. Климанов Л. Г. Н. П. Лихачев-коллекционер и его связи: антиквары, коллекционеры, ученые (по различным источникам) // «Звучат лишь письмамена...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. С. 565–593.

6. Лихачев Н. П. Воспоминания библиофила и собирателя документов и автографов / Публикация, предисловие и примечания Л. Г. Климанова // Книга. Исследования и материалы. Сб. 62. М., 1991. С. 192–204.
7. Armoriaux et documents armoriés des Archives nationales. Catalogue rétrospectif de l'exposition tenue à Paris aux Archives nationales du 23 mars au 4 avril 1994 // Revue française d'héraldique et de sigillographie. 1994. Nr. 64 (suppl.). Pp. 7–8.
8. *Aubert de la Chesnaye Des Bois Fr.-Al.* Dictionnaire de la noblesse. Paris, 1864. Vol. IV.
9. Brunel G. Images du pouvoir royal. Les chartes décorées des Archives nationales, XIIIe – XVe siècle / Intr. par O. Guyotjeannin. Paris: Somogy, 2005.
10. *Delcambre E.* Inventaire-sommaire des Archives Départementales antérieures à 1790. Meurthe-et-Moselle. Série B. Lettres-patentes des ducs de Lorraine et de Bar. T. II. Nancy, 1951.
11. *Ecriture et enluminure en Lorraine au Moyen Age.* Catalogue de l'exposition "La plume et le parchemin". Nancy, 1984.
12. *Germain L.* La Souche et l'Orange, emblèmes du roi René // Bulletin Monumental. 1896. Nr. 61. Pp. 5–28.
13. *Lebeurier Abbé P.-F.* Etat des anoblis en Normandie de 1545 à 1661, avec un Supplément de 1398 à 1687. Paris, Rouen, 1866.
14. *Pächt O., Thoss D.* Die illuminierten Handschriften und Inkunabeln der Österreichischen Nationalbibliothek. Französische Schule. II. Wien, 1977.
15. *Pelletier Dom A.* Nobiliaire de la Lorraine et du Barrois. Paris, 1974. Vol. 1.
16. *Splendeur de l'enluminure. Le Roi René et les livres / Sous la dir. de M.-E. Gautier, avec les conseils scientifiques de F. Avril.* Angers, 2009.
17. *Trésors enluminés. De Toulouse à Sumatra.* Catalogue de l'exposition. Toulouse: Musée des Augustins, 2013.